

границу поверхности – линию, границу линии – точку¹²⁴. В пространстве присутствуют три вида границ, как и три измерения. При этом две границы (поверхность и линия) сами являются пространством. В связи с этим, со-бытие видения в точке предельного напряжения и состояния полноты чувств субъекта предстает как нарушение всех границ между телом и миром, текучесть переходов между ними, что является основной модальностью и характерной чертой нашего там в мире (М. К. Мамардашвили) присутствия.

Это там в мире присутствия отсылает к топологии бытия, где случившееся состояние следует «проходить», как «проходят» пространство, населяя его «местами». Однако, «проходить» – значит, быть слушающим, вслушиваться в расщепление слова, освобождающее его бытийный смысл, которое никогда не переходит в пустоту случайных разрывов, но действует как сгибание, и, следовательно, как возможность новой точки реализации состояния в качестве мысли, которая завершена, но не вытекает из предшествующей. Предшествующая мысль предшествует во времени, но не обеспечивает точную траекторию движения мысли. Она – со-бытие в определенном пространстве, собранном «месте», в некоторой плотности мира, где восприятие, которое включено в определение пространства И. Кантом, – это всегда восприятие измененного состояния, предполагающее сознание изменения состояния субъектом как носителем этих изменений. Поэтому, вполне возможным становится полагание неоднородности пространства, где множественность миров – это та возможность, которая получила начало и стала действительностью (как вся история вселенной, так и моя собственная жизнь) лишь с момента выбора: это мой мир, – каждый раз, вне зависимости от того, осуществился ли мир до этого момента, как если бы выбор открывал то «место», внутри которого помещался бы мир.

ВЕРА КАК ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Д. В. Котелевский

*кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии
и теории познания Департамента философии Института
социальных и политических наук Уральского федерального
университета имени первого Президента России*

Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

I

Очевидно, что вера составляет важнейшую часть человеческого бытия. Вместе с тем, несмотря на то, что в философии и в гуманитарном знании в целом существуют различные теории объясняющие

¹²⁴ Кант И. О форме и принципах чувственно воспринимаемого и умопостигаемого мира // Кант И. Сочинения: в 6 тт. М.: Мысль, 1965. Т. 2. С. 404.

феномен веры и дающие ему различную трактовку, понимание данного явления страдает приблизительностью и поверхностностью. Причина этого в том, что обычно рассматриваются какие-то отдельные характеристики феномена веры, а не ее сущность. На наш взгляд, в силу значимости и места веры в индивидуальном и общественном бытии необходимо такую работу по определению ее сущности и места в бытии и сознании проделать. Данная статья, не претендуя на полноту выполнения таковой работы, намечает некоторые пути осмысления и анализа сущности феномена веры как феномена онтологического.

Традиционно в философском знании вера рассматривалась как феномен антропологический, чаще всего она понималась как связанная с религиозной деятельностью человека. Порой вера анализировалась с точки зрения познавательных возможностей человека. Данное понимание веры, естественно, фиксирует определенные формы ее существования, но не раскрывает ее сущность. А сущность данного феномена имеет, на наш взгляд, в первую очередь онтологический характер. Кроме того для понимания механизма функционирования веры необходимо проанализировать те принципы функционирования знаковой системы, которые приводят к ее возникновению. Сущность веры раскрывает себя в определенных способах функционирования знаков, что мы и намерены продемонстрировать.

В своем существовании вера связана с теми формами бытия человека, которые были проанализированы М. Хайдеггером и Г.-Г. Гадамером и были ими определены как структуры преднамерения. С другой стороны в работах Жака Лакана в рамках структуралистской методологии возникает возможность описать то, каким образом то или иное верование возникает. Объединив данные линии анализа — лакановского и хайдеггеровского, мы получаем возможность описания феномена веры как онтологического. Здесь же возникает возможность определения целого ряда существенных характеристик веры, ранее ускользавших из под взгляда тех, кто был занят ее анализом. Кроме того, в подобном понимании феномен веры неизбежно оказывается связан с пониманием субъективности, во многом смещая традиционную трактовку субъективности и задавая новые векторы ее понимания.

Для прояснения сущности веры мы в первую очередь предлагаем обратиться к двум линиям философских построений. Это во-первых, идеи Рудольфа Бульмана, во-вторых идеи Жака Лакана.

Р. Бульман в работе «Новый завет и мифология» призывает произвести демифологизацию Нового завета. В этой работе он стремится опереться на размышления В Дильтея, графа Йорка фон Вартенбурга, М. Хайдеггера. Бульман заявляет в этой работе, что

Воскресение является тем, что составляет существо христианской веры. Далее он добавляет, что скорее таковым является не сам акт Воскресения, а сообщение о нем, Благая весть. Итак, сущность христианства, по Бульману, определяется благой вестью, сообщением, вернее, верой в это сообщение. Само воскресение Христа не может быть удостоверяющим чудом по Бульману, так как оно невероятно. Скорее, создание ситуации возможности веры в чудо, веры в невероятное, определяет способ существования христианства как веры. «Воскресение Христа представляет собой предмет веры, так как означает нечто большее, чем возврат мертвого к земной жизни: оно есть эсхатологическое событие»¹²⁵. Иными словами сама вера в воскресение и есть смысл христианства. Далее Бульман заключает «<...> слово провозвестия само принадлежит эсхатологическому событию спасения»¹²⁶. В итоге по Бульману получается, что смысл христианской веры заключается в самом акте веры в благую весть о воскресении. Данный тип размышления одновременно и привлекает и отталкивает. Привлекает необычностью, ясностью позиции, а отталкивает некоторой иррациональностью – фактически Бульман пытается убедить читателя, что христианство и есть вера, вера в высшей степени, так как раскрывает существо человека как верующего. Замечу, что данный тип размышлений в целом характерен для протестантизма. Значимость веры как абсурдного акта озвучивалась в работах С. Кьеркегора и ряда других протестантских мыслителей. На наш взгляд, для философии попытка Бульмана дать философское обоснование веры как экзистенциального феномена представляется ценной, интересной и, вместе с тем, ограниченной в силу того, что во многом границы этой задачи определяются теологическими, а не философскими целями. Очевидно, что задача должна быть поставлена шире, чем заявлено у Бульмана – необходимо определить существо веры как важнейшего феномена человеческого бытия, независящего от той или иной конкретной формы верования.

II

Вторая линия философских размышлений о вере отсылает к идеям Жака Лакана и их развитию в современной философии. Одной из основных тем размышлений Жака Лакана является тема субъекта, субъекта желания в его связи с функционированием знаковой структуры. Лакан как структуралист исходит из того, что человек находится в знаковой реальности, собственно он сам

¹²⁵ Бульман Р. Новый завет и мифология. Проблема демифологизации новозаветного провозвестия // Бульман Р. Избранное: Вера и понимание. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. Т. I. С. 38.

¹²⁶ Там же.

по себе и представляет знаковую реальность. В своих работах Ж. Лакан стремится проанализировать особенности функционирования этой знаковой системы, порождающей субъективность и желание субъекта. В частности в своей работе «Ниспровержение субъекта и диалектика желания в бессознательном» Ж. Лакан вводит понятие «точки скрепления (point de capiton)». «Точка скрепления – место, где означающее останавливает скольжение значения <...>»¹²⁷. Для пояснения данного момента необходимо пояснить, что «реальное» в теории Ж. Лакана существует во многом иллюзорно. О реальном мы можем судить, с точки зрения Ж. Лакана, лишь тогда, когда оно «захвачено» системой знаков, включено в знаковый контекст. В некотором приближении «точка скрепления» и есть то место, где скрепляется знаковая система и то, что можно условно определить как реальность. В предыдущей фразе, однако, неспроста употреблено выражение «в некотором приближении». На самом деле в графах субъективности и желания, вычерченных Жаком Лаканом, мы видим, что знаковая система оказывается прикреплена к линии реальности субъективного дважды и только в результате такого «двойного прикрепления» и возникает «точка скрепления». Если бы была только одна точка прикрепления к знаковой системе, то скольжение знаков не давало бы возможности ни определить значение, ни определить означаемое. Потому лишь вторая точка реально скрепляет то, что уже было некоторым образом включено в знаковую систему, но не имело определенности. «Вторая точка», таким образом, задает, по Лакану, возможность определения субъекта и способ его включенности в реальность, а значит и саму реальность. Наиболее интересный момент здесь состоит в том, что эта «вторая точка» задним числом, то есть ретроверсивно определяет смысл. Ж. Лакан пишет: «Перед нами ретроверсивный эффект, в силу которого субъект на каждом этапе становится тем, чем уже был заранее, а заявить о себе сможет лишь в глагольном времени, именуемом «предшествующее будущее» – как о чем-то таком, что существует лишь как прошлое с точки зрения будущего»¹²⁸.

Этот «ретроверсивный эффект» и есть то, что в конечном итоге формирует определенную субъективность. Данный эффект, будучи парадоксальным по своей природе, проявляется по-разному и различным образом комментировался последователями Лакана. Яркий образ работы подобного эффекта предлагает последователь Лакана Славой Жижек. В своей книге «Возвышенный объект идеологии» он так комментирует данный момент взглядов Лакана:

¹²⁷ Лакан Ж. Ниспровержение субъекта и диалектика желания в бессознательном // Лакан Ж. Инстанция буквы, или судьба разума после Фрейда. М.: Русское феноменологическое общество; Логос, 1997. С. 160.

¹²⁸ Там же. С. 163.

«Плавающие означающие, не обладающие еще фиксированным значением, следуют друг за другом. Но в определенной точке – в той точке, где намерение встречает цепочку означающих и пересекает ее, – одно из означающих ретроактивно фиксирует значение цепочки, «пришивает» значение к означающему, оставливает скольжение значения»¹²⁹. Для пояснения принципа работы такого феномена С. Жижек предлагает следующий пример. В какой-то момент полицейский на улице, по которой идут люди кричит: «Эй, ты! Стой!» В следующий момент кто-то из прохожих оборачивается на этот окрик. В тот момент, когда он оборачивается, он собственно и становится этим самым «ты», к которому обращен окрик. Адресат такого сообщения (по сути перформативного акта) определяется в результате задним числом. Здесь можно добавить, что сообщение может быть не обязательно адресовано какому-либо субъекту со стороны. Сам субъект, включенный в знаковую систему, неизбежно адресует какие-то сообщения самому себе. В ситуации такого «замыкания» знаков в «точке прикрепления» возникает: 1) субъект, определенным образом себя определяющий; 2) определенный способ фиксации реальности. Определенная реальность (или точнее способ ее фиксации) возникает потому, что она коррелятивна некоторому определенному способу самоопределения субъекта. Изменение способа описания себя субъектом потому в логике Лакана означает, в том числе и одновременно, изменение способа описания реальности, сущего. В этой точке своих размышлений, на наш взгляд, мысль Ж. Лакана соотносима с мыслью М. Хайдеггера. С точки зрения Ж. Лакана анализ/психоанализ субъекта приводит к смещению знаковой структуры не только самоописания, но и описания «внешнего мира». У М. Хайдеггера же сущностное мышление бытия неизбежным образом ставит под вопрос самого вопрошающего, понимая бытие, человек понимает самого себя.

По нашему мнению такая «точка прикрепления» знаковой системы и может быть рассмотрена как точка, где собственно и возникает вера. Ведь очевидно, что подобная точка задает способ как самоинтерпретации, так и интерпретации бытия, то есть, по сути, верования.

Здесь важно добавить, что при подобном понимании способа функционирования знаковой системы необходимо также признать, что знаковая система не может быть «правильной». То есть знаки, в рамках подобной концепции, не могут описывать мир правильным образом. В психоаналитической трактовке Ж. Лакана и его последователей эта идея озвучивается примерно так: «невозможно в одной и той же логике нечто желать и иметь это

¹²⁹ Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: Художественный журнал, 1999. С. 107.

желаемое». Для психоаналитиков данного направления очевидно, что как только кто-то получает возможность понять свое желание, получает возможность ясно для самого себя описать его, то сразу же, в этот же момент, желание в том виде, в котором оно присутствовало, исчезает. Обратим внимание на то, что желание не есть что-то, что искажает нормальное функционирование знаковой системы. Собственно сама знаковая система и существует, как таковая, потому что желание уже всегда вписано в способ ее функционирования, составляет неотъемлемую характеристику ее бытия. С нашей точки зрения именно психоаналитический дискурс позволяет ответить на вопрос о том, как связано сознание и воля, сознание и желание. Нет никакого сознания без желания (воли). Это, впрочем, не означает, что нужно искать какую-то особенную, рациональную или иррациональную, логику воли как это делал, например, А. Шопенгауэр или отдельные представители философии жизни. Анализируя сферу символического, мы анализируем одновременно и сознание, и волю, желание, проявленное в виде определенного способа функционирования символов. Отсюда неизбежно следует признание, что субъективность и есть способ замыкания знаковой системы, проявляющейся в существовании «точек прикрепления» этой системы. Это означает, что знаковая система сущностно субъективна. Она субъективна не в смысле своей противоположности объективности, а в смысле своей принадлежности структурам субъективности. Знаковая система существует как форма проявления активности субъекта. А значит, субъективность не может существовать без веры, как неотъемлемой характеристики способа функционирования знаковой системы.

III

Итак, с определенной точки зрения вера может быть рассмотрена как определенная характеристика функционирования знаковой системы. «Прихват» знаковой системы порождает на эпифеноменальном уровне функционирования знаковой системы «точки прикрепления», которые в тоже время оказываются точками неразрешимости (сущностно связанными с формой существования субъективности), поскольку они не могут быть «расшифрованы» без их разрушения.

Означает ли, однако, сказанное выше, что знаковая система может произвольно «прихватываться» в различных точках и по желанию субъекта? Можно ли в стилистике размышлений Бульзмана создать новую веру, пусть даже абсурдную по своему смыслу? Вовсе нет. Сложность системы проявляется в том, что лишь определенные точки, при опять-таки некоторых конкретных условиях, доступны для «закрепления». Это приводит к формированию устойчивых форм работы символической системы и как следствие устойчивых

форм существования реальности. В результате работы «точки прикрепления», возникает, как мы уже говорили выше, определенный способ понимания отдельных вещей и мира в целом, который не может быть объективным, не может быть полно и непротиворечиво описывающим реальность или ее фрагмент. Подобное понимание, как мы уже отмечали выше, всегда оказывается неполным и соответственно включает в себя какой-то тип неразрешимости. Эта неполнота проявляется, в том числе, и как предрассудочность понимания. Это означает в том числе, что «точки прикрепления» порождают способ понимания бытия, основанный на пред-рассудках. В силу своей неполноты знание субъекта неизбежно оказывается основанным на пред-положениях, ограниченных формах знания. В этой точке нашего анализа, мы хотели бы связать идеи Ж. Лакана с идеями М. Хайдеггера и Х.-Г. Гадамера. М. Хайдеггер указывает в своих работах, что любое наше понимание, в сущности, основано на пред-понимании. В его структуру входят пред-взятие, предусмотрение, предрешение. «Смысл, пишет М. Хайдеггер, есть то, структурированное предвзятием, предусмотрением и предрешением в-видах-чего наброска, откуда становится понятно нечто как нечто»¹³⁰. Идея предрассудочности знания озвучивается и Х.-Г. Гадамером. Пред-рассудки рассматриваются данными авторами как нечто продуктивное, лежащее в основе производства смысла. Любому акту понимания предшествует пред-понимание. Данное предшествование, естественно нужно понимать скорее не как предшествование во временном отношении, а как сущностное предшествование. Поскольку человеческое бытие трактуется данными авторами как понимающее бытие, постольку само человеческое бытие оказывается понято как базирующееся на структурах пред-понимания, на пред-рассудках.

Здесь, в этой точке, как мы полагаем, можно соединить идеи М. Хайдеггера и Ж. Лакана. Во многом для каждого из них предметом размышлений является вера. Однако рассматривается она данными авторами с разных точек зрения. В хайдеггеровских размышлениях вера в форме предрассудка дает возможность на основе наброска смысла осуществить понимание. Таким образом, общий смысл рассуждений Хайдеггера заключается в том, что пред-рассудочность, а значит и допущение в наше бытие верования является вовсе не случайным, а, по сути, представляет онтологическую характеристику нашего бытия. Ж. Лакан же показывает, каким образом происходит конструирование веры, вскрывает механизм того, каким образом вера создается.

«Точка прикрепления» задает определенный способ понимания, основанный на наброске понимания. Собственно «набросок»

¹³⁰ Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. С. 151.

здесь и истолкован как некоторый способ понимания чего-либо, принципиально включающий в себя верование. С другой стороны, набросок существует как открытый для своего уточнения или изменения. В любой последующий момент знаковая система, имеющая определенную форму фиксации, в силу своей неполноты имеет возможность осуществить смещение «точки прикрепления», создав новые формы субъективности и новые формы верования. Таким образом, с нашей точки зрения, в своей взаимодополнительности концепции М. Хайдеггера и Ж. Лакана раскрывают онтологический смысл веры, значимость и необходимость механизмов ее существования в человеческом бытии.

ТВОРЧЕСТВО: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹³¹

О. Н. Томюк

*старший преподаватель кафедры онтологии и теории познания
Департамента философии Института социальных
и политических наук Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург*

Исследование проблемы творчества и правотворчества, видов деятельности, когда человек активно воздействует на мир, предполагает рассмотрение изучаемого объекта в онтологическом аспекте. Онтологический аспект связан с выявлением сущностной природы изучаемого объекта (творчества), его онтологических оснований и раскрытием специфики феномена творчества.

В большинстве концепций творчества в качестве основного критерия творчества и его универсальной сущности выступает новизна. Подход к творчеству как к процессу, в результате которого создается новое, имел место еще у Платона. Платон считал, что творчество представляет собой способность человека создавать новое, уникальное. В диалоге «Пир» он писал: «Творчество – понятие широкое. Все, что вызывает переход из небытия в бытие, – творчество, и, следовательно, создание любых произведений искусства и ремесла можно назвать творчеством, а всех создателей их – творцами»¹³². Платон рассматривает творчество как рождение не только новых, но и прекрасных произведений, включая тем самым в определение творчества эстетический критерий.

А. Бергсон в работе «Творческая эволюция» (1907) творчество трактует как непрерывное рождение нового: в природе – в виде

¹³¹ Исследование проведено при финансовой поддержке молодых ученых УрФУ в рамках реализации программы развития УрФУ.

¹³² Платон. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. С. 135.